

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1995

5-6-7-8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год.

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТА.

Позднесредневековые дахмы второго варианта представляют собой по планировке те же многокамерные наусы, но утратившие ряд погребальных камер с одной из сторон, видимо, потому, что средневековые дахмы возводились с учетом условий мусульманского погребального обряда. Входной коридор расположен в южной части сооружения, а погребальные камеры вытянуты по линии север—юг так, что покойного вносили и укладывали головой вперед, на север.

На наш взгляд, позднесредневековые дахмы 2—4 вариантов свидетельствуют о непрерывности культурной традиции античности и средневековья, отраженной в данном случае в погребальных постройках и некоторых элементах обряда. Возможно, в результате дальнейших исследований будут обнаружены многокамерные дахмы X—XV вв. и тем самым заполнится лакуна, составляющая 500 лет.

Н. Б. НЕМЦЕВА

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕМОРИАЛЬНО-КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ХОДЖА МАШАД НА ЮГЕ ТАДЖИКИСТАНА

Один из уникальных и сложных в объемно-планировочном решении памятников домонгольского зодчества Средней Азии — комплекс Ходжа Машад — расположен в Шаартузском районе у сел. Саят, на юге Таджикистана, в 1,5 км от правобережья Кафырнигана.

Долгое время памятник был известен как «двойной мавзолей»¹. Уже издали видны два одинаковых круглых купола, утопающих в кустах мелкого кустарника, а в глубине — руины сырцовых стен, которые исследователи на первых порах не связывали с мавзолеями. Только визуальные, а затем археологические исследования 50—60-х годов показали, что мавзолен и сырцовые руины представляют собой единое, крупное по размерам дворовое сооружение². От сырцового двора, оплывы которого еле угадывались под холмами современного кладбища, на дневной поверхности сохранились лишь руины северного портала и примыкающие по сторонам остатки сравнительно крупных квадратных помещений. Раскопки показали, что комплекс Ходжа Машад заключал четырехайванную дворовую композицию (68×48 м снаружи, двор — 42×31 м) с двумя квадратно-купольными мавзолеями из жженого кирпича (28×28×5 см) с южной стороны, просторным двором с худжрами по периметру, открытыми во двор айванами на осях и северным входным порталом с двумя квадратно-купольными помещениями по сторонам из сырцового кирпича (28×28×5 см) и пахсовых блоков.

По сторонам мавзолеев, как установлено раскопками, шли крылья стен (разной длины, высоты, асимметричные по декору), углы фланкировали башни-гульдаста, типичные для фронтальной композиции фасадов дворовых зданий.

Явно сакральная южная часть памятника с двумя мавзолеями, соединенными порталной аркой-айваном, относительно хорошо сохранилась; она с самого начала доминировала в общем объемно-планировочном решении всего комплекса.

¹ Историю изучения памятника и итоги его археологических исследований см.: Немцева Н. Б. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана//СА. 1969. № 3. С. 171 и сл.

² Хмельницкий С. Г. Медресе Ходжа Машад//По следам древних культур Таджикистана. Душанбе, 1978. С. 117 и сл; Немцева Н. Б. К вопросу о периодизации, датировке и функции Ходжа Машад в Саяте//Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С. 158.

Смешанный строительный материал (жженный кирпич на южной стороне, кирпич-сырец и пахса в остальной части здания), а главное — асимметрия в решении композиции главного, южного фасада: разная длина крыльев (5 и 7,5 м от мавзолея до гульдаста), разные приемы декоративного оформления южных стен мавзолеев, — привели исследователей на первых порах к разной трактовке вопросов периодизации, датировки и функции памятника. Неоднозначные оценки, споры по вопросам строительной периодизации, датировки и назначения сооружения продолжаются до сих пор³.

Важность этого своеобразного архитектурного строения для понимания локальных особенностей зодчества Северного Тохаристана поры развитого средневековья заставляет вновь обратиться к материалам археологических исследований и всему комплексу данных относительно мотивации трех его основных определений — периодизации, датировки и функции. Одни исследователи (А. М. Беленицкий⁴ и прототворяющий всю его аргументацию С. Г. Хмельницкий⁵) считали мавзолеи, а следовательно, и весь комплекс, разновременными, датируя его восточный мавзолей X и даже IX в. (С. Г. Хмельницкий), а западный — XI—XII вв. Позднее к этому же времени была отнесена и дворовая часть памятника.

Совершенно иную точку зрения высказал один из первых исследователей «двойного мавзолея» М. М. Дьяконов, работавший на этом объекте в конце 40 — начале 50-х годов. При обследовании памятника в 1950 г. он обратил внимание на перевязку кладки внешней оболочки купола восточного мавзолея с порталом и предположил единовременность возведения обоих мавзолеев. Стилистический анализ остатков надписи на восточном пилоне портала позволил ему датировать памятник первой половиной XII в.⁶ При этом ни М. М. Дьяконов, ни А. М. Беленицкий не обратили внимания на руины сырцовых стен севернее «двойного мавзолея». Это заслуга С. Г. Хмельницкого, который по микрорельефу местности и сохранившимся остаткам сырцового портала уловил общую схему дворового плана памятника и объявил его медресе⁷, сохранив предложенную А. М. Беленицким периодизацию и датировку, но удревнив восточный мавзолей еще на сто лет (IX в.).

Археологические исследования, проведенные в середине 60-х годов (Н. Б. Немцева), обмеры и натурное изучение памятника впервые позволили получить наиболее полные фактические данные, уточнить план комплекса, выявить его стратиграфию, а главное — полную, на всех участках конструктивную взаимосвязь мавзолеев между собой и единовременность возведения их с двором из сырцового материала. Судя по археологическим данным (керамика, нумизматический материал) и эпиграфическому стилю надписи на портале, комплекс Ходжа Машад был построен в XII в. Период его функционирования продолжался, как показывает стратиграфия, до конца XV — начала XVI в.⁸

В 1979 г. на памятнике проводились дополнительные археологические работы, которые подтвердили стратиграфию, выявленную в 1965 г., а к плану, в принципе уже известному, было добавлено еще несколько худож⁹.

³ Хмельницкий С. Между арабами и тюрками: Архитектура Средней Азии IX—X вв. Берлин—Рига, 1992. С. 146 и сл.

⁴ Беленицкий А. М. Мавзолей у селения Саят//МИА. 15. 1950. С. 207—209.

⁵ Хмельницкий С. Г. От конструкции к орнаменту//Искусство таджикского народа. 3. Душанбе, 1965. С. 57—58.

⁶ Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафрынган (Кабадан), 1950—1951 гг.//МИА. 37. 1953. С. 269.

⁷ Хмельницкий С. Между арабами и тюрками... С. 146 и сл.

⁸ Немцева Н. В. Раскопки архитектурного комплекса... С. 171 и сл.

⁹ Маняхина А. И. Археологические раскопки на мавзолее Ходжа Машад//АРТ. 19. 1986.

Казалось бы, археологические исследования как наиболее универсальный метод изучения археолого-архитектурных памятников средневековья позволили ответить на главные вопросы в понимании комплекса Ходжа Машад — выявить планировочное решение, датировку и строительную периодизацию. На основании всего комплекса данных, учитывая историческую географию и историческую ситуацию X—XII вв., нами было высказано предположение и относительно назначения сооружения. Это сложный, многофункциональный, единовременно выстроенный в XII в. комплекс — ханака, странноприимный дом, пристанище для паломников, возникший у «машада» (место мученичества ходжи), каких в средние века было очень много. Одновременно, принимая во внимание отдаленность памятника от города или селения, расположение его на просеженной дороге, можно допустить, что это было и место остановки торговых караванов — караван-сарай. Никаких оснований, кроме формально-планировочных данных, для трактовки его как медресе нет. Да и сами формально-планировочные данные, учитывая ярко выраженную сакральную функцию южной части памятника, уязвимы, на чем мы остановимся ниже.

Тем не менее версия о одновременности комплекса, датировка восточного мавзолея IX в., определение памятника как самого раннего в Средней Азии медресе звучат все более категорично¹⁰. В этой связи следует вновь вернуться к конкретному фактическому материалу.

В процессе наших исследований с документальной точностью была зафиксирована конструктивная взаимосвязь всех частей восточного и западного мавзолеев с центрально-осевым айваном, с юга выступающим небольшим порталом (вынос пилонов — 50 см), а со стороны двора подчеркнутым пилястрами, выступающими на 28 см. Внутри центральный айван, связывающий в единое целое оба мавзолея, разделен поперечной перемычкой — щипцом с проемом — на две части. Обследование этой перемычки зондажами подтвердило ее органическую, конструктивную взаимосвязь с восточным и, естественно, с западным мавзолеем и только дополнило картину единовременности их строительства.

Никаких признаков наращивания западной стены восточного мавзолея, контактной с айваном, нет, здесь та же ширина 2 м, что у других стен обоих мавзолеев. Нет и признаков декора, характерного для других фасадов восточного мавзолея, если допустить, что восточный мавзолей был первоначально центричным, с одинаковым оформлением всех четырех сторон. Так же очевидна единовременность дворовых пилястр центрального айвана и пилонов южного портала.

Уже в 1947 г. М. М. Дьяконов увидел ничем не нарушенную цепную порядовку кладки пилонов, айвана и мавзолея и понял, что мавзолеи единовременны. И ныне внутренние углы обоих мавзолеев (как и все наружные) на стыке с айваном разрушены, кладка их обнажена и очень выразительно, как и в 1947 г., демонстрирует единую цепную порядовку кирпичной кладки. Даже при ювелирной точности строительных работ пристройку центрального айвана к восточному мавзолею немыслимо было бы осуществить, не нарушив фактуру (а по версии одновременности, мавзолеи разделяют два столетия), размеры, декор контактной с айваном западной стены мавзолея, не оставив хоть каких-либо признаков пристройки.

Единственный сторонник одновременности памятника¹¹ С. Г. Хмель-

¹⁰ Хмельницкий С. Между арабами и тюрками... С. 186.

¹¹ А. М. Беленицкий еще в конце 60-х годов в рецензии на мою статью, опубликованную в «Советской археологии» в 1969 г., полностью согласился с выводами относительно строительной периодизации (единовременность), датировки (XII в.) и назначения памятника (странный дом — ханака).

никий в своей книге, вышедшей в 1992 г., вновь обращается к комплексу Ходжа Машад, трактуя его так же, как и 30 лет назад. Он по-прежнему выделяет восточный мавзолей как первоначальное, отдельно стоящее центрическое здание, определив датой его строительства IX в. на основе рудиментарных эллиптических арок в основании купола и декоративного фриза в завершении стены южного фасада¹². При этом полностью проигнорирован весь археологический материал — керамика в заполнении помещений двора (не ранее XII в.), монеты XII в., стратиграфия; произвольно трактуются отдельные части памятника, вскрытые при исследованиях.

Относительно перспективно-ступенчатых эллиптического профиля арок в основании купола надо сказать, что они столь же рудиментарны, так и перспективно-ступенчатые арочки треугольного профиля в западном мавзолее. Но главное, что противоречит версии о разновременности и дате — IX в. (кроме всего комплекса археологического материала), — наличие точно такого же перспективно-ступенчатого эллиптического очертания паруса в западном, околопортальном сырцовом помещении № 7 северной стороны двора¹³. Эту эллиптическую арку С. Г. Хмельницкий оспаривает, называет ее стрельчатой. Она не только не вписывается в версию о «двух строительных периодах» на памятнике, но полностью ее исключает.

Что касается декоративного фриза в завершении внешней стены восточного мавзолея (из кирпичей, поставленных на угол — плашмя, разделенных вертикально поставленными, — прием, восходящий к «анниковскому блюду»), послужившего мотивом для датировки памятника IX в., то автор версии разновременности тут же в тексте сам себя опровергает, обнаружив точно такой же фриз в завершении фасадной стены караван-сарая Рабат-и Малик XI в.¹⁴ Заодно он передатировал X в. и Рабат-и Малик на основании фриза на Ходжа Машад, но это уже особая тема¹⁵.

Здесь нет возможности повторить все доводы об одновременности памятника (они давно опубликованы) при всей выразительности различных приемов декоративного убранства, асимметрии в решении композиции южного фасада — разной длине (5 м и 7,5 м) и высоте крыльев. Асимметрия фасада, действительно не принятая и не оправданная с точки зрения известных схем, не объяснима ни в случае одновременности, ни в случае разновременности мавзолеев. Уж если средневековые зодчие на самом деле пристроили бы айван к восточному мавзолею с такой тщательностью, что нет никаких следов, то что же мешало им вывести оба крыла южного фасада хотя бы в равных размерах? Разновременность здесь — не аргумент.

Об одновременности говорит весь строй мавзолеев; они, как близнецы, неуловимо одинаковы: их величина, высота, ступенчатая форма куполов, световые окна¹⁶, система парусов, отдельные элементы декора в интерьерах, например отделка рам восьмерика обоих мавзолеев треугольными консольными выпусками парных кирпичей. Прием этот, кстати сказать, широко применялся на протяжении всего средневе-

¹² Хмельницкий С. Между арабами и тюрками... С. 146 и сл.

¹³ Немцева Н. Б. Раскопки... С. 178. Рис. 4.

¹⁴ Немцева Н. Б. Рабат-и Малик//Художественная культура Средней Азии IX—XIII вв. Ташкент, 1983. С. 121.

¹⁵ Хмельницкий С. Между арабами и тюрками... С. 194.

¹⁶ Совершенно одинаковые световые окна обоих мавзолеев расположены в куполах на уровне второго пояса с южной стороны. Никаких следов ремонтной пробивки светового окна в восточном мавзолее нет. Как не существовало и светового люка диаметром 1,65 м в зените куполов, навешанного С. Г. Хмельницкому мысль о параллели с римским Пантеоном. Есть разрушенные замковые части куполов (обычное явление), упавший кирпич от которых лежит тут же, на полу мавзолеев.

ковья, в том числе — самого позднего (основание свода тима Аллакули-хана в Хиве XIX в.¹⁷). И что уже прямо говорит об одновременности не только мавзолеев, но и двора (кроме эллиптических арок в помещении № 7) — это точно такие же консольные выпуски, но уже из сырцового кирпича в северном входном портале (верхнее обрамление прямоугольной рамы входной арки портала и рам угловых парусов). Декоративная слочная кладка угловых парусов восточного и западного мавзолеев совершенно аналогична отделочной кладке парусов мавзолеев XI в. в ансамбле Султан-Саодат, заполнение арочных ниш восьмигранника аналогично кирпичному декору фасада мечети Талхата-Баба XI—XII вв. в Северном Хорасане. Все это свидетельствует о близости архитектурных школ Северного Тохаристана и Хорасана в XI—XII вв.

Выделив восточный мавзолей как отдельно стоящий на первом этапе и на два века более ранний, чем западный, автор версии разновременности определяет его как центрический. Для этого от мавзолея искусственно отсекаются все выступающие за пределы основных стен архитектурные части — пилон портала, пилястра арки со стороны двора, весь айван с его сводом и щипцом на месте перемычки. Однако никакой центрического мавзолея, «вырезанного» из общей планировочной композиции памятника, в действительности не существовало, как и вообще здесь не было никакого мавзолея ни в IX, ни в X и даже в XI в. Оба мавзолея вместе с двором появились, как показывают все данные, в XII в.

Одним из важнейших показателей одновременности мавзолеев между собой и с сырцовым двором является обнаруженное при раскопках в 60-е годы не только западное крыло южного фасада, фланкированное башней-гульдаста, но, что самое главное, — его восточное крыло. Правда, назвать эту часть памятника «крылом» можно весьма условно (она длиннее и ниже западного крыла), но и не считаться с ней нельзя.

На стыке с восточной стеной мавзолея, у его южного угла, под более поздней стеной XV в., существующей сейчас, шурфом обнаружены остатки первоначального «крыла» (сохранилось в основании 3—4 ряда кладки) той же толщины, что и стены мавзолея (2 м), из жженого и сырцового кирпича того же формата и размера (28×28×5 см), конструктивно перевязанной с мавзолеем не только в основании, но и, как показывает рваная кладка, выступающая из восточной стены мавзолея, еще на высоту около 1 м. Стена-«крыло», расчищенная на площади всего шурфа, уходит за его пределы в восточном направлении и, видимо, заканчивалась, как и западное крыло, башней-гульдаста.

Это «крыло», конструктивно связанное с восточным мавзолеем, равно как и упомянутые выше пилон портала, пилястра дворового айвана, перемычка-щипец внутри айвана, еще раз опровергает версию о центричности восточного мавзолея на каком-либо этапе и говорит о одновременности строительства, ибо «крыло» не имеет смысла, если не замыкает какое-то архитектурно организованное пространство. Но что это? Как и весь южный фасад — очередная загадка. Восточное «крыло» не только ниже (всего 1 м), но и длиннее (на 2,5 м) западного.

Остатки этого «крыла» С. Хмельницкий определяет то вымосткой,

¹⁷ Ноткин И. И. Строительные приемы и конструкции в архитектуре Хивы // Искусство зодчих Узбекистана. III. Ташкент. 1966. Рис. 11.

то уже более серьезно, но столь же невероятно — основанием под деревянную колоннаду или цоколь исчезнувшей сырцової стены¹⁸.

Нам кажется, что обнаруженная стена — именно восточное крыло южного фасада памятника. Вместе с западным крылом и башнями-гульдаста по углам оно формировало общую фронтальную композицию южной стороны памятника, характерную для средневековых дворовых сооружений Средней Азии. Отличает эту фронтальную композицию от общезвестных схем асимметрии в решении западной и восточной сторон. Как говорилось, восточное «крыло» ниже и длиннее западного, по-разному декорировались та и другая стороны. Встает вопрос — почему? Ведь симметрия в решении фасадов к XII в. давно уже стала обычным приемом. Может быть, низкое и более длинное восточное «крыло» играло какую-то функциональную роль, было ей подчинено, связано с ранним, возможно раннеисламским погребением на месте «машада»?

За восточным «крылом» в ю.-в. углу комплекса расположен небольшой (17 × 7 м) дворик-карман. Он входил в южную сакральную часть памятника и являлся местом погребения под открытым небом — «хазира». Внутри дворика, близ основания стен, обнаружены кирпичные сводчатые сагана, обследование которых не проводилось. Можно с уверенностью сказать только, что это не современное кладбище, занявшее всю территорию двора.

«Хазира» известны в Средней Азии с X в. (быть может, и раньше); генезис их уходит в эпоху раннего ислама, к первоначальному погребению самого пророка Мухаммеда (могильный холм в ограде). Уж не здесь ли было совершено самое раннее погребение сподвижника Мухаммеда — ходжи, погибшего за веру намного раньше, чем возник существующий архитектурный комплекс XII в.? Возможно, что при строительстве сложного дворового мемориально-культового комплекса в XII в. более ранняя «хазира» была введена в общую композицию плана и в какой-то степени «продиктовала» ее особенности (асимметрию фасада, перекошенный план, низкое восточное «крыло», создававшее возможность обзора извне восточного фасада мавзолея и примыкающей к нему «хазирь»). Это всего лишь версия, в ней много допусков, но при дальнейших исследованиях ее надо учесть.

Что касается функции памятника, то информация по этому поводу заложена уже в его названии — «Ходжа Машад». Легенды и само название мемориала связывают с этим местом гибель за веру (машад, машхад, мешхед — место мученической кончины) одного из адептов ислама периода утверждения этой религии в Средней Азии и других местах мусульманского мира, относившегося к привилегированному сословию «ходжей» — сподвижников пророка.

«Машады» общезвестны на мусульманском Востоке. Возникнув еще на стадии раннего ислама, «машады» в Средней Азии, как и в других местах, стали архитектурно оформляться и получили широкое развитие примерно в XI—XII вв., после повсеместного утверждения мусульманской религии в феодальной среде, распространения суфизма, дервишских братств и связанного с ними культа «святых»¹⁹.

Появившаяся недавно в печати интерпретация названия памятника в Саяте как «Ходжа из Мешхеда»²⁰ — глубокое заблуждение или плод недоразумения (не может же не знать автор этого определения,

¹⁸ Хмельницкий С. Г. Мечресе Ходжа Машад. С. 181; его же. Между арабами и тюрками... С. 149.

¹⁹ Гольдциер И. Культ святых в исламе//ЗВОРАО. Т. VIII. СПб., 1894. С. 21—102; Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV вв. Л., 1966. С. 234—239.

²⁰ Хмельницкий С. Между арабами и тюрками... С. 148.

что такое «машад»). Кстати, в IX в. (датировка восточного мавзолея по версии разновременности) и города Мешхед еще не существовало. Первые упоминания о нем относятся к X в., а в IX в. на его месте было селение Санабад²¹.

Время гибели одного из «ходжей» у правобережья нижнего Кафрынигана, с которым связано появление в XII в. архитектурного комплекса Ходжа Машад у современного сел. Саят²², — неизвестно, хотя само название (сподвижник пророка, погибший за веру) может свидетельствовать о сравнительно раннем периоде в истории ислама (VII—VIII вв.?), когда борьба молодой мусульманской религии со старыми вероучениями была наиболее актуальной.

Эпопея арабских завоеваний положила начало культу «мучеников», павших в «священной войне за веру». Уже в первые десятилетия существования халифата, его завоевательной и одновременно миссионерской политики возникает большое число «машадов», связанных с проповедниками ислама (газнями) в завоеванных землях и их гибелью от рук иноверцев. Культ «мучеников» постепенно слился с более широким, древним и универсальным для многих других религий культом «святых». Культ «святых» в исламе первоначально развивался как народное верование. Зародыши его — в доисламских верованиях арабов и персов. В раннем исламе он не мог получить признания: допускалась возможность святости отдельных лиц, но не поклонение их могилам. Коран порицает обращение с молитвой к кому бы то ни было, кроме бога, трактуя это как «ширк» — многобожие²³.

Постепенно, по мере укрепления ислама, была узаконена бытовавшая в народе вера в «посредников» между богом и людьми (святых). Вначале сложился культ Мухаммеда, позже присоединились культы других пророков, некоторых сородичей (Али, Фатимы, Хусейна), уважаемых богословов, а также «мучеников». Развитию культа способствовали, как говорилось, суфизм и связанные с ним дервишеские братства. Официальное вероучение факихов первоначально не признавало культа «святых». Только между X и XIII в. система калама (схоластическое мусульманское богословие) признала законность почитания святых. Особенно отстаивали это почитание суфии в своих комментариях к Корану, создавшие учение о «святых». Уже в XI—XII вв. лишь немногие (стародумы ханбалиты, в частности) считали паломничество к святым местам идолопоклонством²⁴. Паломничество к гробницам святых — «машадам» обозначалось термином «зийара» (посещение). Зиярат к особо почитаемым местам, могилам в XI—XII вв. заменял даже хаджж в Мекку.

Борьба газнев с неверными была не единственным источником культа «мучеников» и связанных с ними «машадов». Мучениками считались и погибшие (убитые, отравленные) во внутрипартийной борьбе за власть в халифате. Эта борьба особенно обострилась в период с середины VII до середины VIII в., когда династия Аббасидов утвердилась на халифском престоле. Погибавшие в этой борьбе претенденты

²¹ Название г. Мешхед связано с именем восьмого шиитского имама Али ар-Ризы (отравлен в 818 г.). В IX в. на месте его гробницы возникло село Санабад, постепенно превратившееся благодаря обилию памятников в богатый город Мешхед-и Али Риза (сокр. Мешхед), впервые упомянутый в X в. Мавзолей над могилой ар-Ризы многократно разрушался и вновь восстанавливался на протяжении X—XIII вв. Ныне вокруг него существует огромный архитектурный комплекс XII—XIX вв., включающий знаменитую мечеть Гаухаршад (XV в.), медресе, библиотеку, караан-сарай, гостилицы для паломников и т. д.

²² Селение Саят, как и кладбище на развалинах сырцового двора Ходжа Машад, заброшенного не ранее конца XVI в., — современное (XIX—XX вв.).

²³ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV вв. С. 234—235.

²⁴ Там же. С. 285—289.

на власть, в первую очередь кровные родственники Мухаммеда: зять Али (ум. 667) и его сыновья: третий шиитский имам — Хусейн (ум. 680 г.) и даже гассидный Хасан — были не только основателями шиитской партии, но объявлены первыми в исламе мучениками, «машады» которых сформировались на территории Ирака (Неджеф и Кербела) и постепенно разрослись в сложные архитектурные комплексы. К этой категории «машадов» относится и мемориально-культовый комплекс восьмого шиитского имама ар-Ризы (ум. 818 г.), на основе паломничества к могиле которого и вырос г. Мешхед.

Гробницы мучеников были столь популярны и доходны, что возникало много ложных «машадов». Огромное значение не только у шиитов, но и в суннитской среде получил культ Али, похороненного в Ираке (Неджеф), где ему посвящен обширный мемориально-культовый архитектурный комплекс, сложившийся в разное время. Одновременно в Балхе открывалась, разрушалась, затем снова восстанавливалась (последний раз в 1480 г.) гробница Али, на основе которой вырос большой город Мазари-Шериф.

Если «мученики», боровшиеся за престол в халифате, более всего были характерны для его центральных регионов (Ирак, Мекка), где непосредственно происходили политические распри, то для отдаленных провинций, в частности для Средней Азии, эти проблемы были неактуальны. Здесь «машады» были связаны с миссионерской деятельностью первых проповедников ислама — газнев. Сложившиеся в народной среде культы «святых» и слившиеся с ними «машады» получили особенное распространение, признание, архитектурное оформление благодаря усилиям суфийско-дервишеских братств. Их легальная деятельность разворачивается с XI в., после появления и принятия как шиитами, так и правоверными суннитами философии умеренного суфизма, основателем которой был известный богослов ал-Газали (1058—1111 гг.)²⁵. Только в XII в. в Средней Азии складывается три главных суфийских ордена — Яссавия на средней Сырдарье (Туркестан), Кубравия (Хорезм) и Кадырия (в Фергане).

Именно в этой исторической ситуации, не ранее XI в., мог быть архитектурно оформлен «машад» на юге Таджикистана, на берегу Кафырнигана²⁶, хотя почитаемая могила (могильный холм в ограде) погибшего за веру сподвижника пророка — ходжи могла появиться здесь на несколько столетий раньше, как в случае с «машадом» Кусам ибн Аббаса, погибшего в VII в., архитектурно оформленным сложным мемориальным комплексом только в начале XI в.

«Машад» Кусамы в Самарканде — один из самых ранних, наиболее глубоко изученных, а потому очень показательных для понимания «машадов» Средней Азии вообще, хотя история каждого из них непонятна. Двоюродный брат (?) пророка Мухаммеда, Кусам ибн Аббас появился в Самарканде вместе с арабским войском под руководством Кутейбы еще до окончательного покорения города арабами, где и погиб от рук кафиров (неверных) в 676/77 г., во время намаза. Дата эта, как известно, вплетена в орнаментальную композицию существующего намогильника XIV в. в гурхане Кусам ибн Аббаса. Появление же сложного мемориального комплекса Кусам ибн Аббаса на юге домонгольского Самарканда относится к началу XI в.²⁷ Таким образом, прошло около 3,5 столетий между появлением «машада» в VII в. и строительством архитектурного комплекса в начале XI в. — идеологи-

²⁵ Там же. С. 236 и сл.; Мейс А. Мусульманский Ренессанс. М., 1986. С. 160.

²⁶ Судя по супеси под стенами Ходжа Машада — явным отложениям Кафырнигана, — русло дельты реки перемещалось и в XII в. было значительно ближе к памятнику в Саяте.

²⁷ Немец в Н. Б. Шахи-Зинда. Ташкент, 1987. С. 10.

ческого ядра ансамбля Шахи-Зинда. Судя по всему, к XI в. культ могилы Кусамы, паломничество к ней приняли такие масштабы, что духовенство в жилом квартале на юге Самарканда, на удобном возвышенном перекрестке, возвело крупный для того времени архитектурный мемориал, в полном соответствии с обрядом зиярата, который приносил огромные доходы и вырос в самый замечательный архитектурный памятник средневековой Средней Азии — ансамбль Шахи-Зинда²⁸.

Термин «машад», связанный с местом гибели или погребения (точное место неизвестно) Кусамы ибн Аббаса на юге Самарканда, пережил эту дату на несколько столетий. Он был хорошо известен не только в народной среде, но и принят в правительственных кругах. В одном из важнейших юридических документов XI в., дошедших до нас, — вакуфном акте караханидского правителя Самарканда Ибрагима Тамгач Богра-хана от 1066 г.²⁹, гробница Кусамы фигурирует под названием — «машад Кусамы», или просто «машад».

Термин «машад» на юге домонгольского Самарканда закрепился на несколько веков в топонимах и гидронимах. Письменные источники называют ворота Мешхед для XII в. (Южные, Кешские) на юге Самарканда, квартал «Машад», где похоронен Кусам. Сам архитектурный комплекс Кусамы ибн Аббаса, как сказано выше, в XI в. (и, конечно, позже) назывался «машадом» Кусамы. Арык, протекающий у южного подножья Афраснаба, где в VII в., видимо, произошли кровавые события, до сего дня называется Оби-машад. Только в XVI в., вместе с новым циклом легенд о «живом царе», архитектурный ансамбль на юге домонгольского Самарканда впервые (а, может быть, раньше?) упомянут как Мазари-Шах, позже — Шахи-Зинда.

В средневековье, когда хаджж в Мекку был сопряжен не только с трудностями, но и опасностями, его заменяло паломничество к территориально более близким святыням. Кроме упомянутых выше Кербелы и Неджефа в Ираке, куда совершался хаджж вместо Мекки, такое паломничество было организовано в Самарре, где у специально построенной Каабы, искусственно созданных Арафа и Мине совершался ритуальный обход (тавуф) вокруг святыни³⁰. В XI в., кому было удобно, совершали хаджж вместо Мекки в Иерусалим³¹. В Средней Азии эту роль выполняло паломничество к могиле Кусамы в Самарканде, поскольку мавзолей Кусамы считался равным по положению Каабе, его, как и Каабу, надо было обойти семь раз. В Хорасане вместо хаджжа в Мекку совершали паломничество к могиле имама Ризы.

Такова историческая конъюнктура на мусульманском Востоке, сложившаяся к XII в., и про нее нельзя забывать при рассмотрении средневековой архитектуры Средней Азии.

Совершенно очевидна и функция памятника Ходжа Машад. Именно в описанной исторической ситуации в Северном Тохаристане, наряду с другими мавзолеями (Хакими-Термизи, ранние мавзолеи Султан-Саодат, XI в.) в XII в., как показывают археологический материал и архитектура памятника, возник самый крупный мемориально-культовый комплекс в этом регионе — Ходжа Машад, возможно, на месте более раннего «машада». Памятник стоит близ Кафырнигана, где, несомненно, проходила дорога (как вдоль всех русел рек), и паломничество к этой святыне не встречало затруднений. Паломничество к «машаду»,

²⁸ Немцева Н. Б. Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв. // Зодчество Узбекистана. Вып. II. Ташкент, 1970. С. 122 и сл.

²⁹ Большаков О. Г. Два вакфа Ибрагима Тамгач Богра-хана в Самарканде // Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971. С. 172.

³⁰ Мец А. Мусульманский Ренессанс. С. 255.

³¹ Там же.

видимо, как и в случае с машадам Кусамы в Самарканде, приняло к XII в. такие масштабы, что на месте более ранней могилы стараниями духовенства выстраивается крупное сооружение дворового типа с ярко выраженной сакральной частью с юга, где предусмотрены все необходимые для совершения сложившегося к этому времени обряда аппарата службы у святыни и места проживания паломников.

Комплекс Ходжа Машад мог быть только странноприимным домом — ханакой около почитаемой мусульманской святыни с четко выделенной, доминирующей в общей композиции плана южной сакральной частью и обширным двором для проживания паломников. Судя по археологическим материалам, стратиграфии памятника, помещения двора на всем протяжении существования Ходжа Машада, с XII по XVI в. включительно, постоянно обживались. Здесь останавливалось большое количество паломников, путешественников, а быть может, и торговые караваны, шла интенсивная жизнь. Как и все ханака у почитаемого «машада», это был многофункциональный комплекс с большими доходами (возможны вакфные средства), самостоятельным хозяйством (необходимость в котором была продиктована удаленностью от села или города), более всего похожий на средневековые дорожные караван-сарай, где также протекала жизнь со всеми ее потребностями и укладом.

Значительное количество бытовой керамики, каменных жерновов, керамических светильников — высоких шамданов, запасов пережившего фуража и, что интересно, предметов печного припаса для производства бытовой керамики (сепая, штыри, матрицы для штампа), свидетельствуют не только о большом хозяйстве, трапезах, праздничных угощениях, как того требовал сложившийся для таких святых мест обычай, но и собственных керамических печах. Прокаленные стены худжр в с.-з. части двора, обнаруженные при раскопках 1979 г., подтверждают такую возможность.

Перед нами типичный для XI—XII вв. мемориально-культовый комплекс — ханака. Хотя в архитектурно-планировочном выражении все подобные конгломераты уникальны, неповторимы, их объединяет главное — функция. В данном случае, основная функция и статья доходов определялись «машадом» в южной, мавзолеейной части памятника. Северный, второй порталый вход во двор говорит о том, что с самого начала были предусмотрены не только южный вход для одиноких дервишей, но и возможность въезда конного каравана. Большие запасы фуража не оставляют в этом сомнений.

Два входа на одной оси в данном случае были продиктованы жесткой функциональной необходимостью — не нарушать святости, сакральности мавзолеев и одновременно обеспечить возможность входа и выхода постояльцев в любое время, характерную для караван-сараяв (вспомним двусторонние, на одной оси входы в Пайкендском караван-сарая IX в., Ляйляканском X в., в Акыр-Таше, в предгорьях близ Джамбула)³².

О мемориально-культовом комплексе — ханака Ходжа Машад говорят и этнографические данные. Действовавший еще в XVI в. памятник отделен от нашего времени всего 3,5 столетиями; некоторая традиционная обрядность в нем сохраняется до сих пор. Как сообщают информаторы-сторожилы, еще недавно в одной из худжр двора жил шейх — главный хранитель дервишских обителей — ханака. В западном пилоне южного портала находится небольшая чилляхана с

³² Предположение Б. Брентьеса о том, что Акыр-Таш — резиденция Кутейбы, очень увлекательно, но абсолютно недоказанно; месторасположение его скорее говорит о караван-сараяе, и не VII в., а X—XI вв.

михрабом в западной стене, где до сих пор выдерживают сорокадневный пост. А раз в году до последнего времени у памятника в большой мусульманский праздник курбан-байрам готовили специальную ритуальную пищу — халим³³.

Все сказанное находится в полном противоречии с версией о том, что комплекс Ходжа Машад — медресе. Никаких данных для такого утверждения нет. Формально-планировочные показатели, которые легли в основу этой гипотезы и являются единственным мотивом, оторванным от исторической конъюнктуры, историко-географической ситуации, всех археологических материалов, делают это утверждение несостоятельным. Но и сам формально-планировочный фактор, главный аргумент которого — якобы два симметричных квадратно-купольных зала по сторонам входа присущи только медресе, а в караван-сараях «они не делались никогда»³⁴, неверен. Дворовые композиции с квадратно-купольными помещениями именно по сторонам от главного входа, как в Ходжа Машад, а не по углам, как в медресе XI в. (медресе XI в. из ансамбля Шахи-Зинда³⁵ и все более поздние), представлены в большом количестве в средневековых караван-сараях и рабатах Ирана, Анатолии (Турции)³⁶.

Совершенно не соответствует действительности и другой тезис — «архитектура Средней Азии не знает ханака дворового типа, похожих на медресе или караван-сарай»³⁷. Рассматривая домонгольские ханака Средней Азии, Л. Ю. Маньковская отмечает дворовые и многодворовые планировочные структуры ханака, обосновывая это теоретически (генезис) и примерами из археологической практики — дворовая, обстроенная худжрами ханака XI в. в Нисе³⁸. Исключительно дворовые композиции характерны для ханака западных регионов (Египет, Магриб, Сирия, Ирак, Азербайджан)³⁹, где впервые возникают суфизм и связанные с ним пристанища — ханака, в последующем распространившиеся в Средней Азии. Под ханака как на западе, так и на востоке на первых порах использовали утратившие свою исконную функцию дворовые рабаты, а также караван-сарай, генетически с ними связанные. Многообразие функций в одной и той же планировочной структуре — одна из характерных черт домонгольского зодчества Востока.

Естественно, что первые пристанища — ханака (вторичная функция рабатов) наложили свою печать и на планировочную структуру специально построенных дворовых ханака, наиболее приемлемых для суфизма периода его становления. Объемно-планировочная структура ханака прямо связана с определенными стадиями развития самого суфизма — преимущественно дворовые в домонгольское время и крытые купольные здания в XIV—XVII вв. Это вовсе «не уход послемонгольских типов ханака от домонгольских прототипов настолько, что между

³³ С сельчан собирали муку, масло, у мавзолеев резали корону, варили халим и угощали всех желающих. Также совсем недавно (помнят молодые) в айване между мавзолеем висели качели, незамужние девушки качались, а парни (женихи) кидали в избранниц конфеты или фрукты — такой был обычай, по словам информаторов.

³⁴ Хмельницкий С. Г. Медресе Ходжа Машад. С. 139—140.

³⁵ Немцева Н. Б. Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде//Афраснаб. Вып. III. Ташкент, 1974. С. 99 и сл.

³⁶ Siroix M. Caravanserais d'Iran. Le Caire, 1949. P. 47, f. 14; P. 68, f. 27; P. 82, f. 40; Erdmann K. Das Anatolische Karavansaray. Berlin, 1961. Taf. 5, f. 1. Taf. 8, f. 4.

³⁷ Хмельницкий С. Г. Медресе Ходжа Машад. С. 185.

³⁸ Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 125 и сл.

³⁹ Стародуб Т. Х. Средневековая архитектура, связанная с суфизмом//Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989. С. 268—279; Воронча В. Л. Средневековый город арабских стран. М., 1991. С. 74—75.

ними не осталось ничего общего», как кажется С. Г. Хмельницкому⁴⁰. Тип дворовых композиций и крытых купольных зданий существовал на протяжении всего средневековья в Средней Азии, генезис их независим друг от друга и от функции. Использование же того и другого типа зданий под ханака, преимущественно дворовые, в домонгольское время исторически закономерно. На раннем этапе сложение суфизма как еретического, сугубо мистического движения было связано с дервишеством из народных низов. Лишь постепенно, не ранее XI в., суфизм становится легальным, образуются ордены, набирающие силу и власть. В XIV—XVII вв. суфизм в Средней Азии — одна из самых влиятельных духовных и политических структур общества. Быть суфием стало почетным. Богатые феодалы, эмиры берут себе в наставники, духовные отцы крупных шейхов из суфийской среды (шейх Шамседдин Куляль — духовный наставник Тарагая — отца Тимура; знаменитый шейх Мир-Сенд Береке — духовный наставник самого Тимура).

Суфии из богатой верхушки общества проживали в своих домах, дворцах, загородных усадьбах. В ханака собирались только для радений — зикра в определенные дни недели. Ханака, особенно городов, уже не пуждалась в большом количестве келий для временно или постоянно проживающих паломников. Именно поэтому крупные городские ханака XIV—XVII вв. — это крытые купольные здания, где помещение для суфийского обряда (зикров) — мечеть — функционально самое главное. Небольшое число подсобных служебных комнат вполне удовлетворяло нужды ханака на этом этапе. (Самая крупная ханака — мавзолей Ходжа Ахмада Яссави рубежа XIV—XV вв. в Туркестане).

Комплекс-ханака Ходжа Машад в своей планировочной основе отражает специфику домонгольских ханака, где роль странноприимного дома — пристанища была главной, но одновременно предусмотрены обязательные для ханака крупные квадратно-купольные помещения мечети для ежедневного пятикратного намаза и зикра в определенные дни недели, а также помещения для общих сборов, расположенные в северной части двора по сторонам портала.

Определению рассматриваемого памятника как медресе противоречит не только историко-географический фактор, о чем мы уже писали⁴¹, но и его явно культовый акцент. Южная, мавзолейная сторона на всех этапах существования памятника оставалась главной «святыней», идеологическим ядром сооружения, на основе которого функционировал многопрофильный комплекс — ханака, странноприимный дом, гостиничный комплекс типа караван-сарая. Явно смешанная функция заложена уже в самой планировочной композиции сооружения, но в ней нет места медресе. Ни одно медресе нигде в мусульманском мире не строилось на основе «святой гробницы». Медресе как самостоятельное учебное заведение включалось в состав ансамблей около почитаемой гробницы (чему есть множество примеров), но функционировало независимо от нее. Захоронения в медресе, имеющие место в отдельных случаях (погребения в медресе Мухаммад Султана XIV в., в медресе Мири-Араб в Бухаре и др.) вторичны, функционально второстепенны. Главное во всех медресе — их изначальная функция — высшее учебное заведение, мусульманский университет.

В XI—XII вв., как и во все времена, медресе строились в крупных культурно-политических центрах (Мерв, Нишапур, Багдад, Газна, Бухара, Самарканд), в том числе в Хутталяне, области, пограничной с областью Кабадиан (по Кафырингану). Попытка С. Хмельницкого

⁴⁰ Хмельницкий С. Г. Медресе Ходжа Машад. С. 135.

⁴¹ Немцева Н. Б. Раскопки архитектурного комплекса... С. 183.

реконструировать историко-географическую карту Шаартузского района и села Саят на основании «высказанной догадки М. М. Дьяконова» о том, что раннесредневековый Кабаднан, возможно, находился вблизи от Шаартуза (от Шаартуза до села Саят — 5—6 км), — наивная натяжка, а уж собственное заключение С. Хмельницкого о том, что Саят (Сайед) в домонгольское время был значительным культурным центром⁴², — не соответствует данным археологических исследований. Комплекс-ханака Ходжа Машад стоит на супесчаном, материковом слое (отложения Кафырнигана). Систематическое археологическое изучение низовьев Кафырнигана было начато во второй половине 40-х годов. В 60—70-е годы в Южном Таджикистане, в частности именно в Шаартузском районе, проводились длительные археологические разведывательные работы (в последующем и раскопки), организованные Институтом востоковедения АН СССР и АН Таджикистана под общим руководством Б. А. Литвинского⁴³ для составления Свода археологических памятников и археологической карты. Район детально изучен, и можно не сомневаться, что низовья Кафырнигана во все времена обжигались, но в данном случае речь идет о синхронном архитектурному памятнику Ходжа Машад городе или его следах (городище) — если не на территории села Саят, то хотя бы в его непосредственной округе, чего, однако, в действительности нет. Памятник стоял вне населенного пункта, на или близ проезжей дороги, и являлся функционально сложным комплексом, мавзолеем-ханака XII в., построенным, возможно, на месте более раннего «машада» и выполнявшим также роль обычного караван-сарая.

Памятник археологически недоисследован, в том числе в целях уточнения его плана, особенно с южной стороны, но не в этом главная причина расхождения точек зрения. Памятник требует бережного, научно точного, неформального, многостороннего к себе отношения. Несоответствие точки зрения С. Хмельницкого действительным фактическим материалам и, в первую очередь, археологическим данным как в понимании самого архитектурного здания, так и в представлениях о его окружающей историко-географической среде и исторической ситуации, построенные выводы на формально-искусствоведческом анализе отдельных архитектурных деталей с априорной датировкой их более ранним временем, вне контекста всех остальных показателей, привели к неверному пониманию одного из самых интересных архитектурных памятников Северного Тохаристана.

⁴² Хмельницкий С. Г. Медресе Ходжа Машад. С. 186.

⁴³ Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепан-шах: Культура и связи Кушанской Бактрии. М., 1983. С. 3—6.

И. Э. ПОГОСОВА

О ГЕНЕЗИСЕ МОНУМЕНТАЛЬНЫХ НАСТЕННЫХ РОСПИСЕЙ ПЕРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Монументальная настенная живопись в Средней Азии появляется в эпоху неолита, но вопрос о ее происхождении до сих пор практически не исследован. В равной степени это относится и к памятникам Передней Азии, где впервые в истории зафиксированы наиболее ранние настенные росписи, украшавшие интерьеры архитектурных сооружений, по всей вероятности культовых. Вопрос конвергентности или заимствования в развитии настенной живописи примыкающих друг к другу регионов также оказался обойденным в исследованиях как зарубежных, так и отечественных ученых. Вместе с тем известно, что челове-